

Евгений Ничипурук

СНЫ СИРЕН.

Евгений Валерьевич Ничипурук
Сны сирен
Серия «Дерево Судьбы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182255
Сны Сирен / Евгений Ничипурук. – : АСТ; Астрель; Москва; Спб.; 2009
ISBN 978-5-17-059549-5

Аннотация

Однажды вы заснете – и ваша жизнь изменится. Однажды вы проснетесь – и окажется... что все еще спите. Тогда вы откроете дверь в Сад Сирен и сделаете шаг вперед... Но сможете ли вы вернуться?

Эзотерические опыты и мифология в загадочном романе о путешествии в мир снов – таинственный Сад Сирен.

Содержание

I. ВИЛЬЯМ ХЕРСТ	4
II. ПРОРОЧЕСТВО ГИТЛЕРА	7
III. САД СНОВ	9
IV. ТЕМНОТА ПОД ОДЕЯЛОМ	11
V. КНОПКА	14
VI. ГРАНИЦА	16
VII. СУДЬБА	20
VIII. ПРОБКИ	23
IX. ЦЕНА ВОПРОСА	25
X. ХАКЕРЫ СНОВ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Ничипурук

Сны сирен

*Будет с тебя неба
Утром забирают сна кисти.
Жизнь предсказуемо нелепа,
но есть всякие тонкости.
Мелочи складываем в сердце понемножку.
Они дороже любых купюр без сомнения.
Мы исчезаем. Остаются тепла крошки —
самые маленькие и яркие мгновения.*

Все события и персонажи книги вымышлены. Любые совпадения случайны

I. ВИЛЬЯМ ХЕРСТ

Все началось с Вильяма Херста. Не знаю, почему именно мне приснился этот человек. Да и вообще, почему именно со мной произошла вся эта история... Знаю только одно – мы не выбираем свои сны. Это сны выбирают нас.

В ту ночь мне приснился Вильям Херст.

– Кто такой Вильям Херст? – спросила ты наутро.

– Понятия не имею. Просто имя из сна. Что-то еще было про него, но толком вспомнить не получается. Помню только, что это все очень важно. Знаешь, бывает такое: просыпаешься и думаешь, что во сне тебе далось некое особое знание... И вот сегодня я проснулся и понял, что Вильям Херст – это некто важный. Необязательно важный вообще, в глобальном смысле. А важный для меня. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю. Это как услышать в глупой песне смысл, который в нее никто и не вкладывал. Смысл, который раскрывается только тебе. С тобой такое бывало? Вот слушаешь что-то явно посредственное, а кажется – шедевр. А все потому... потому, что чем-то цепляет... каким-то особым кодом. Причем цепляет только тебя.

– Да... вот и сны так же... Просто дымка в голове. Туман. Полубредовое состояние, а думается, что в нем скрыт большой смысл... Вильям Херст. Точно скажу тебе – в этом имени прячется ключ не к одной двери.

Я хлебнул горячего чая и зажмурился от удовольствия. Редкое утро, когда мы завтракаем вдвоем. Раньше мне казалось, что нет ничего важнее, интимнее, чем вот так пить утренний чай и рассказывать друг другу сны. И тебе, и мне часто снились красочные, яркие сны с замысловатым сюжетом и скрытым смыслом. Зачастую они были интереснее многих фильмов и книг. Не делиться ими было бы крайним проявлением эгоизма. И вот мы пили чай и рассказывали друг другу сюжеты сновидений. Часто спорили. Ты придавала чуть больше значения символам, я же, скорее, увлекался сюжетными поворотами. Но все это детали. На самом деле мы очень подходили друг другу. Как никто другой. Потому что оба могли видеть все ЭТО.

Но со временем такие завтраки стали редкостью. И не потому, что сны исчезли. Нет. Просто мы стали более занятыми людьми и распорядки наших дней не всегда совпадали. Мы уже не вставали одновременно, как, впрочем, и редко вместе укладывались спать. Часто ты засиживалась допоздна, а мне, наоборот, приходилось вставать очень рано. Мне не хватало таких вот совместных завтраков. Поэтому, когда тем утром нам выдалась такая редкая

возможность начать день вместе, я очень обрадовался. И, конечно, этот непонятный Вильям Херст тоже оказался в тему. Все как раньше. Будто и не изменилось ничего. И для меня это было очень важно.

– Надо посмотреть в Интернете, кто такой этот Вильям Херст. Что-нибудь про него еще знаешь? – Ты насыпала в тарелку шоколадные хлопья и залила их молоком, а потом пояснила: – Нужны подробности. Наверняка этих Вильямов Херстов миллион.

Я подумал и вдруг понял, что мой Вильям Херст не совсем наш современник. Точнее, он, возможно, еще жив, но гораздо старше меня. А может, и умер давно. Мне почему-то он представился похожим на героев книг Трумана Капоте. В твидовом пиджаке и с сигаретой в зубах. А значит, его молодость приходится на середину прошлого века.

Недолго думая, я набрал в Yandex «Вильям Херст». По запросу нашлось 14 678 ссылок. Первое место по упоминаниям занимал газетный магнат Вильям Херст, умерший в тысяча девятьсот пятьдесят первом году. Несокрушимая скала журналистики, вознесший ее на небывалые высоты, акула капитализма, настоящий монстр, сколотивший огромное состояние благодаря своему таланту журналиста, чутью продюсера и хватке бизнесмена. В общем, великий человек, харизматичный и влиятельный, ставший самым богатым предпринимателем в Америке, современник и соперник знаменитого Говарда Хьюза... Только явно это не тот Херст, что был интересен мне. Мой Херст куда скромнее. Хотя наверняка тоже успел наследить за свою жизнь.

Копаясь в Херстах, я отрыл сумасшедшего ветерана, из года в год у себя на ранчо реконструировавшего события какого-то там сражения в американской войне, убийцу-гангстера, сбежавшего из тюрьмы в восемьдесят третьем и пойманного в восемьдесят четвертом, а потом ставшего прототипом героя очередного голливудского блокбастера. В американском Google нашелся еще добрый десяток Херстов – инженеров, бывших военных, поваров и учителей. Но что-то мне подсказывало: это все не то. Пока я лазил по ссылкам, ты читала свою почту. Рассматривала фотографии, присланные вчера твоими родителями. Мне тогда подумалось, что это какое-то ненастоящее утро. Слишком уж идеальное. Спокойное. И вот тут, едва мне подумалось про спокойствие, я ни с того ни с сего осознал, что Херст был художником.

– Вильям Херст был художником, – сказал я тебе.

– Нашел в Интернете? – спросила ты и оторвалась от своего лэптопа.

– Нет. Наверное, я просто вспомнил какую-то часть сна. И понял, что он был художником.

– И что он рисовал?

– Не поверишь. Вот сейчас мне кажется на сто процентов, что он рисовал комиксы. Причем не просто комиксы, а комиксы на тему Рая и Ада. Да... И получалось у Херста очень живо. По-настоящему. Все сюжеты он брал из своих снов. И поэтому в них зачастую не было привычной нам логики. Люди называли его сумасшедшим. А ему было плевать. Он продолжал рисовать свои комиксы... А потом с ним что-то случилось. Не знаю что, но нечто важное для НАС. Не спрашивай, откуда я это знаю. Просто вдруг вспомнил, что ли... как будто вспомнил. Наверное, мне приснилось, а теперь вот вспомнилось. Бывает так.

– Да, бывает. И очень часто. Ну вот, можно не смотреть в Интернете. Мне кажется, что твоего Вильяма Херста там нет. Какой угодно есть, а такого, чтобы рисовал комиксы по мотивам своих снов, – нет. Потому что он сам из сна. Из твоего сна... Хотя история суперская. Настоящая и красивая. Знать бы, что с ним стало. Может быть, вспомнишь еще... расскажи обязательно, если вспомнишь.

– Конечно. – Я закрыл окошки поисковиков и стал собираться на работу. За окном была мерзкая московская зимняя погода – дождь со снегом и грязью. Мне очень не хотелось

выходить на улицу. Гораздо сильнее мне хотелось посмотреть сон про Вильяма Херста и его комиксы.

II. ПРОРОЧЕСТВО ГИТЛЕРА

Так уж вышло, что любая история имеет свое начало. Любая, даже самая невероятная. И вся фишка в том, что понять, что вот именно сейчас эта самая история начинает раскручивать свой гигантский невидимый маховик, практически невозможно. Лишь много позже, отмотав пленку назад, можно сказать: «Именно в тот день и началась эта история». Если бы всегда знать, к чему приведут те или иные события, мир был бы совсем другим.

Помню, в пионерлагере, после отбоя, все по очереди рассказывали страшилки. Среди прочих баек, таких как, например, бесконечные истории про «черные руки», «синие губы» и все такое, встречались почему-то страшилки про Гитлера. Сейчас ими уж точно никого не напугаешь, а тогда он все еще являлся Персонажем. Видимо, в наше детство эти истории приходили от наших дедушек и бабушек, заставших Вторую мировую. Для них он точно был сродни дьяволу. В общем, были страшилки про день рождения Гитлера, были страшилки про его книгу. А была одна, ну просто чумовая о Пророчестве. Будто в молодости Гитлер мечтал стать художником. Причем был он очень талантливым малым. Рисовал в основном акварели. И очень хорошо у него получалось. Многие его хвалили. И мечтал Гитлер вовсе не о такой судьбе, что потом вышла. Он мечтал поступить в Мюнхенскую академию художеств. И поступал туда аж два раза, но безуспешно. Профессора отказывались принимать его. Уж не знаю, по какой такой причине, но не проходил Гитлер вступительные экзамены. И вот, после второго провала, отправился он в любимую пивную «НВ» выпить пива, а к нему подходит незнакомец, протягивает тетрадку, исписанную мелким почерком, и просит ознакомиться на досуге. Причем настоятельно рекомендует прочитать записи в одиночестве, без посторонних глаз. Гитлер посмотрел на незнакомца удивленно, но тетрадку взял. Был он тогда еще, в принципе, совсем неплохим парнем. Не хорошим, но и не плохим. Одним из многих. Просто искренне переживал за свою страну и был, в общем-то, похож на сырое тесто: сложись жизнь иначе, вылепилось бы из него совсем иное. У него и в мыслях не было стать главой националистической партии. Он, скорее всего, был просто эмоциональным и харизматичным, творческим человеком... а тут странный незнакомец со своей тетрадкой. Гитлер взял ее домой. Полистал перед сном. И вычитал там такое, что несколько дней не мог успокоиться. Разыскал этого загадочного человека, бросил ему тетрадку в лицо и даже хотел с кулаками на него наброситься. Но тот спокойно так спросил: мол, что его так разозлило?

– То, что вы клеветеете на меня!

– Ну откуда вы знаете, что я написал клевету. Ведь я писал про будущее. А тут никогда нельзя быть уверенным, как сложится. Мне это приснилось, а сны, бывает, и не врут.

– Но я же знаю себя, я не способен на такое! Это все полнейшая чушь и клевета.

– Время покажет... – сказал человек, поднял тетрадку и ушел.

А в тетрадке той было записано, что будет с Гитлером через двадцать лет. Все его преступления, и вообще каким он станет человеком... Обидно про себя читать подобное, пока ты не такой. Конечно.

Ну, Гитлер, разумеется, предпочел забыть эту историю. В Академию он так и не поступил, ушел на фронт, а там и закрутилось... И вот, спустя много лет, находясь в страшной депрессии, доживая последние свои дни в бункере глубоко под землей, он вспомнил ту тетрадку, вспомнил того человека – и затосковал. Он готов был отдать все на свете, чтобы вернуться в ту точку отсчета ЕГО истории. Но это было невозможно... Вот такая городская легенда.

Не помню, от кого я ее услышал, но сам рассказывал ее раз сто. И все всегда слушали с открытыми ртами. Там было все, что нужно для хорошей байки, – жуткий момент, яркий отрицательный персонаж и мистическая изюминка. А потому, если я хотел произвести впечатление,

чатление на новых друзей, рассказывал историю про Гитлера и Пророчество. Мораль этой городской легенды была, разумеется, в том, что все большое – и добро и зло – имеет свое незначительное начало. И умение разглядеть его – вот что самое важное. Но таким умением почти никто не обладает. Со мной же получилось наоборот. Когда я проснулся и произнес имя Вильяма Херста, я осознал, что начинается большая история. Но разобраться, хорошая или плохая, я не мог. А потому поступил так, как считал нужным: если не знаешь, что делать, делай шаг в темноту. И я шагнул вперед, на поиски настоящего Вильяма Херста.

III. САД СНОВ

Прошло три дня с того утра, как мы сидели и обсуждали сон про художника – однофамильца газетного магната. Я почти забыл про то, что изначально мне казалось, будто Херст – персонаж абсолютно реальный. К тому времени я, ради прикола, сам додумал всю его биографию и рассказал тебе. История получилась немного грустная, но интересная. С мистическим налетом. Короче говоря, настоящая городская легенда, из тех, что можно рассказывать по вечерам, за чашкой чая с малиной, когда за окном идет то ли снег, то ли дождь и настроение на нуле.

Вильям Херст родился в сорок девятом году двадцатого века. С детства любил рисовать и мог рисовать что угодно. Буквально тоннами изводил альбомы и тетради. Придумывал и рисовал Херст в основном некие картинки, наподобие комиксов. А иногда просто перерисовывал на свой манер сюжеты популярных в те годы историй про Супермена и Капитана-Америку. В юности он поступил в художественную академию, закончил ее с отличием. Там же пристрастился к церковному изобразительному искусству. С увлечением изучал религиозную живопись различных культур. Овладел самыми разными техниками. По окончании академии даже подумывал о работе реставратора в историко-религиозном институте. Но – пошел работать в крупнейшую компанию по созданию комиксов, в «Марвел». Сбылась мечта детства! Он мог рисовать настоящие комиксы, которые расходились огромными тиражами. Карьера Херста шла вверх. Ему пророчили большое будущее... как вдруг он придумал очень странный сюжет про Рай и Ад. Будто бы Рай и Ад на самом деле находятся в одном и том же месте – в Саду Снов. И охраняют его прекрасные Сирены. И будто бы отважный Персей спасает праведников, попавших по ошибке в Ад. А попасть в Ад Херста по ошибке было совсем не сложно – нужно всего лишь заблудиться во сне...

Прорисованы персонажи Херста были великолепно. Диалоги на удивление правдоподобны, атмосфера просто потрясающая. Но... сама концепция казалась всем несколько странной, и эти рисованные истории спросом не пользовались. Работодатели были вынуждены прикрыть проект. Херсту тогда было двадцать семь лет. Карьера на взлете – а тут такой удар. Комиксы Херста свернули и предложили вернуться к рисованию суперменов. Херст отказался. Он уволился из «Марвела» и принялся искать издателя для своих сумасшедших проектов. Все было тщетно. Он рисовал книгу за книгой, но никто не соглашался их печатать.

– Откуда у тебя все эти странные истории? Откуда такие необычные образы? – спрашивал его очередной потенциальный издатель.

– Из снов, – отвечал Вильям Херст.

– Брось эту затею. Ты совсем помешался на своих снах. Это тебя погубит.

– Неважно. Главное, что я рассказываю их кому-то. А рассказывал он эти истории, наверное, только своей девушке, с которой они хотели пожениться. Она листала его альбомы буквально с замиранием сердца. Но нищета, неумолимо подкрадывающаяся к ним, очень пугала ее. И вот однажды она не вернулась к нему в дом. И вообще больше никогда не пришла, и не написала даже письма. Вильям Херст остался один.

Он стал много времени проводить в постели. И видеть все больше ярких, красочных снов. Просыпался – и тут же рисовал их сюжеты на листах бумаги. Все сбережения он тратил на альбомы и тетради. Самым страшным сном для него было видение, где у него заканчивались карандаши и бумага. Так он и рисовал свои комиксы про Рай и Ад, про Сирен и Персея, про заблудившихся в Саду Снов людей... пока однажды не заснул так крепко, что не смог проснуться.

Вот такая история.

Ты подошла ко мне и обняла. Потрепала волосы:

– Какой ты у меня талантливый все-таки. Такое придумал!

– Да, – ответил я и хитро подмигнул. – Но мне кажется, что я здесь ничего не придумал. Мне кажется – все, что я рассказал, мне приснилось. Еще тогда, в субботу. Помнишь, мы сидели на кухне и обсуждали сон про этого человека.

– Да, помню. Все равно отличная история. Из нее мог бы получиться хороший рассказ. Или даже роман. Или сценарий фильма.

– Возможно. – Я подошел к тебе. Обнял и поцеловал. Еще один день в Раю.

IV. ТЕМНОТА ПОД ОДЕЯЛОМ

Мне было несложно понять Херста, не то выдуманного мною, не то приснившегося мне персонажа. Умей я рисовать, я бы наверняка тоже делал зарисовки своих сновидений. В очередное утро я брел в ванную, потирая опухшие веки, и толком не понимал, где нахожусь... Что-то не так было в моей жизни. Но что именно? Не знаю... Наверное, мне просто необходима была борьба. Хоть какая-то. А ее не было. Не было никаких даже намеков на борьбу... Моим врагом был лишь я сам. Но этот противник давно уже взял меня без боя. Я капитулировал, и белый флаг развевался над моим городом надежд. Так бывает, когда просыпаешься утром, а ты вовсе не рок-звезда, не гангстер, ты даже не успешный бизнесмен и не храбрый путешественник. Ты тот, кем ты стал. Ты – это ты. И тебе нельзя ненавидеть себя за это. Но и любить тоже не получается. И вот ты просто живешь. Живешь, чтобы сдохнуть однажды... или чтобы не думать об этом. Это жесткая черта – когда понимаешь, что никогда не станешь кумиром для самого себя. Поэтому ты просто идешь по дороге и не думаешь ни о чем... Что лучше: рисовать капитанов-америк или сады сирен? Лучше – для кого? Я прекрасно понимал Херста, но у меня была кишка тонка, я был слишком малодушен, чтобы жить по-настоящему. И, в конце концов, я не хотел, чтобы меня бросила ТЫ. Для меня всегда были крайне важны многие мелочи. Все эти утренние нежности и просмотры «Южного Парка» на диване в гостиной... Я обычный. Я самый обычный. Мне не стать героем. Мне не стать героем даже для самого себя. А Херст – он просто сумасшедший художник, который ничего никому не доказал.

Так я размышлял, лежа на диване и поглядывая впологлаза новостную программу по НТВ – горы трупов и люди-кавказцы в наручниках перед камерой. Я всегда думал: зачем все эти программы, кто их смотрит? А вот сам же смотрю – и не переключаю... Странно. Особенность сознания... Мы любим приглядывать за тем, что нам не нравится. На всякий случай, чтобы ничто не вышло из-под контроля. Я лежал на диване и размышлял о нелепости всего, что так или иначе можно было назвать моим существованием, и тут в комнату влетела ты и выпалила: «ТЫ ВЕЛИКИЙ! Ты угадываешь прошлое! Вильям Херст был на самом деле!!!»

Я – великий.

Конечно же, я ничего не понял. Я смотрел на тебя, сияющую, и не мог понять, почему ты радуешься. Что такого в этих твоих словах? Ну был Вильям Херст, и что?

– А дело в том, что ты практически все угадал в точку. Понимаешь? Я посмотрела архивы «Марвел» и нашла вот это! – Ты протянула мне распечатку, и я прочитал, что комикс «Сады Сирен» действительно выпускался компанией в тысяча девятьсот семьдесят шестом году. Вышло аж три серии, и автором комикса был не кто иной, как Вильям Херст. Что стало дальше с героем моего сна, в распечатке не упоминалось, но я отчего-то сразу понял, что угадал с его биографией.

– Зачем тебе понадобилось смотреть архивы «Марвел»? Это же полный бред – проверять правдивость снов.

– Да и плевать! Мне показалось, что это важно. Понимаешь, ВАЖНО. Потому что все не случайно. Когда ты рассказывал в первый раз историю про Херста, я сразу почувствовала, что она изменит мою жизнь. Нашу жизнь. И я всего лишь проверила свои догадки. Просто мы искали не там. Херст жил слишком рано... когда он жил, Интернета еще не было, да и большой известности художник не приобрел. Поэтому, когда он исчез, про него попросту забыли.

– Исчез?

– Ну не исчез, а умер. Или не умер, а просто что-то с ним стало... Ясно одно: он пропал из мира комиксов... и из мира людей, в принципе, тоже. Выпал из информационного поля. Я предлагаю все разузнать про Херста. Понимаешь, из этой истории может получиться отличнейший сценарий для фильма. Ты же давно мечтал написать сценарий! А тут еще красивая коммерческая приписка – **ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ!** Твой сценарий оторвут с руками!

Я не разделял твоего оптимизма, но вынужден был согласиться, что история действительно вырисовывается красивая. Сценарий писать мне было лень. Я для начала ограничился бы синопсисом. А вот если б кто-то внес аванс, то тогда, конечно...

Последний год я работал копирайтером в крупном рекламном агентстве. Писал в основном не рекламные ролики, а BTL-проекты. А если учесть, что в клиентах у нас водились все «проктары с гемблами» и «бленда-меды», то сразу станет понятно, что на работе я откровенно скучал. Я давно уже мечтал о чем-то стоящем. И, возможно, написать сценарий для фильма было для меня как раз тем самым долгожданным серьезным делом. Об этом я и сказал тебе всего за три дня до того, как увидел сон о сумасшедшем художнике.

– Представляешь, Менделееву приснилась его таблица. Ньютону – закон всемирного тяготения. А тебе, вполне может быть, приснился гениальный сценарий, который может стать для нас шансом начать новую жизнь. Мы обязательно должны разыскать всю информацию о жизни Херста, и ты непременно напишешь его историю. И по ней точно снимут фильм! У меня интуиция: все это не просто так!

Да, в твоих словах определенно была логика. А потому мы начали расследование.

Найти человека, жившего в другой стране много лет назад, не так уж и просто. Особенно если это обычный человек, не кинозвезда и не успешный политик. Сидя перед ноутбуком в Москве, можно облазить всю мировую Паутину и все равно не разыскать ничего. Я это прекрасно понимал, а потому никуда не спешил. Я думал так: если это действительно что-то важное, то Херст отыщется сам собой. Должно повезти. А если нет, то и не стоит напрягаться.

Перелопатив все возможные информационные базы со свободным доступом, мы зашли во вполне предсказуемый тупик. Через три часа, в течение которых мы не нашли ровным счетом ничего, энтузиазм у тебя поубавился. Я пошел на кухню, заварил нам мятного чаю. Достал из коробки миндальное печенье. Мы сели по-турецки на диване и стали пить горячий ароматный чай. Ты хрустела печеньем, а я поглядывал на тебя исподтишка и улыбался.

Как мужчина выбирает себе женщину? Ту самую, с которой он готов связать свою жизнь? По каким признакам он вдруг решает, что это именно она? Вот я смотрел на тебя и был абсолютно уверен, что ты та самая, которая мне нужна. Но как я это вычислил, совершенно непонятно. Эта попытка анализа была вовсе не от сомнений, а чисто из любопытства. На самом деле, мне думается, что все дело в электричестве. Да-да. Именно в электричестве. Ведь мы, по большому счету, живые батарейки на ногах. Ходим, плачем, смеемся, а на самом деле – не более чем электрические заряды. Причем очень разные заряды: и плюсы и минусы, и мощность разная. А вот встречаются такие заряды, между которыми возникает притяжение. И чем идеальнее их разность, тем больше притяжение и тем комфортнее им друг с другом. А любовь – это как раз тот самый импульс, который при появлении в магнитном поле такого идеального зарядика вспыхивает в голове, как лампочка. Если б я рассказал тебе эту теорию, думаю, ты бы раскритиковала меня в пух и прах. Ты бы сказала, что я бездушный циник. А я не согласен. На мой взгляд, это очень романтическая версия. Вот сейчас закрываю глаза и вижу почти клип, в котором люди-лампочки танцуют и подмигивают, катаясь на коньках по Красной площади... и снег идет. И у всех разное свечение – в зависимости от силы их чувств. И чем больше любви, тем больше света... Приколливо.

От этих мыслей меня оторвал телефонный звонок. У меня на мобильном тогда стояла мелодия Дельфина «Июнь». Я только-только поставил ее, и она мне очень нравилась. До того, что я мог заслушаться и не снять трубку. И вот я отвлекся от мыслей про электрические заряды и не торопясь пошел в соседнюю комнату ответить на вызов. Пока я искал телефон, звонить перестали. Номер был не определен, так что перезвонить я не мог.

– Кто звонил? – спросила ты, когда я вернулся.

– Не знаю. Не успел ответить.

– Однажды ты так пропустишь очень важный звонок и будешь сожалеть об этом.

– А как я узнаю, что он был важный? Если я на него не отвечу? Про важные пропущенные звонки мы обычно ничего не знаем. Так же как про упущенные возможности. Иначе бы все давно сошли с ума. Представляешь, если бы в жизни, как в компьютерной игре, при совершении неверных действий события отматывались назад и тебе показывалось, где и как ты поступил неправильно и что в результате потерял... Конечно, тогда можно было бы извлекать уроки, но, думаю, сойти с ума от самоуничтожения шансов куда больше, чем чему-то научиться.

– Это пассивная позиция. Тебе не кажется, что ты утрачиваешь стремление к самосовершенствованию? В чем бы то ни было. Постепенно теряешь интерес к движению вперед. Я рядом, и мне это очень заметно. Эй! Ты же мой герой. А ты совсем раскис. Это неправильно. Мы же в начале пути. Нам не восемьдесят лет. Мы молоды, и мы должны трахнуть этот мир! Именно трахнуть! А пока получается, что мир трахает нас.

– А тебе не кажется, что твоя бравада лишь от того, что тебе двадцать три? Понимаешь, о чем я? Когда мне было двадцать три, я тоже прыгал до потолка. А сейчас мне тридцать, и я не хочу. И не потому, что мне ничего не надо. Просто не хочу прыгать, и все. Может, потому что напрыгался. Понимаешь?

Философский спор переходил на повышенные тона. Это нельзя было назвать ссорой. Ты старалась расшевелить меня, вдохновить на большие поступки, а я не хотел никаких больших поступков.

– Чувь все это! – не унималась ты. – «Напрыгался». Такое можно сказать, если ты действительно достиг потолка. А ты ведь МОЖЕШЬ достичь чего-то гораздо большего. И это не мне надо! Это надо тебе. Чтобы ты не скис совсем. Чтобы, работая над продвижением зубной пасты, сам не превратился в нечто подобное – белое и бесформенное. А поэтому я очень хочу, чтобы ты хотя бы попробовал написать этот сценарий.

– Я попробую. – Мне не хотелось спорить, и я решил сдаться. – Попробую. Завтра. А сейчас пошли спать.

Я еле заметно надул губы, отправился в ванную. Постоял там, расстроенный, перед зеркалом минут семь, умылся, почистил зубы, причем, выдавливая пасту на щетку, я приветливо подмигнул белой кашице: «Привет, брат!» Потом побрел в спальню, обиженно буркнул «спокойной ночи» и залез под одеяло. Ты не спала. У обоих на душе было как-то скверно. Так что я предпочел быстренько заснуть, а ты залезть в Интернет.

И я заснул.

V. КНОПКА

– Вот. – Смуглый мужчина, по внешности индонезиец или индеец, положил на стол передо мной белый топор, сделанный из кости. Я пригляделся. Топор был покрыт странными знаками. Наверное, санскрит.

– И что тут написано? – спросил я у мужчины.

– Это легенда про солнце. Там говорится, что солнце перестанет всходить над головами людей тогда, когда люди перестанут ему радоваться.

– Типа, нужно ценить то, что имеешь, не то потеряешь и будет плохо?

– Угу... типа... – Смуглый мужчина усмехнулся. Он был в черном костюме из английской шерсти, судя по всему сшитом на заказ, и белой рубашке с золотыми запонками. В красном с узорами галстук блестела золотая булавка. Длинные растрепанные волосы и выжженная солнцем кожа никак не вязались с таким respectable образом. – Пойдем, – сказал мужчина и поднялся из-за стола. – Топор не забудь.

Я встал, взял топор и двинулся за ним. Топор почти ничего не весил и казался заточенным до бритвенной остроты. Мы шли по длинному коридору, мимо бесконечного количества дверей с номерами. 675, 677, 679... Наверное, мы на шестом этаже какого-то отеля. Примерно в таком же мы с тобой жили в Токио. Мрачное серое здание. Воздух, как кисель, и бесконечный ряд дверей, из-за которых ни звука. Просто фильм «Звонок». К подобному не сразу привыкаешь. В таких отелях наверняка живет пара-тройка призраков...

– Ты никогда не думал, что где-то должна быть кнопка? – Мужчина шел на шаг впереди меня и говорил, ко мне не поворачиваясь.

– Кнопка? Ты о чем?

– Ну, кнопка перезагрузки. Когда ты берешь – и запускаешь игру заново. Потому что неудачно прошел уровень. Нажал и начал снова с того места, где сохранился. Или вообще. Начал совсем другую игру. Кнопка перезагрузки.

– Но мы же не в игре. Нет никакой кнопки.

– Ошибаешься. Кнопка всегда есть, – сказал мужчина и остановился напротив двери 699. Последней двери на этаже. Торец коридора, заканчивающегося окном. Окном с очень грязным стеклом, через которое, по идее, должно было быть видно улицу. Но стекло было настолько замызганным, что ничего разглядеть не удавалось. Можно было лишь предположить, что за окном день.

Мужчина поправил волосы и легонько толкнул дверь. Та со скрипом отворилась. Он шагнул в комнату. Я за ним.

Мы оказались в обычном номере, видимо, очень дешевой гостиницы. Ремонт тут делали лет двадцать назад, равно как и меняли мебель. В центре комнаты стояла кровать с коричневым покрывалом. Напротив – деревянная тумбочка. На ней – телевизор. Мужчина подошел к кровати. Взял в руки пульт от телика и принялся переключать каналы. По телику, как всегда, показывали сплошную ерунду. Пока он щелкал кнопками, я попробовал по картинке угадать, что это за каналы.

– Да... посмотреть нечего, – грустно сказал мужчина.

– Мы что, сюда телевизор пришли смотреть?

– А что? Я живу в этом номере. Могу и посмотреть. Дай сюда.

Я протянул ему топор, он осторожно взял его. Покрутил в руках, стараясь найти наиболее удобную хватку.

– Кнопка всегда есть, – сказал мужчина, усмехнулся и... с силой ударил топором по телевизору. Ударил с размаху, весьма сноровисто. Будто дрова колот. Я думал, что он разобьет чертов ящик пополам. Но тот выдержал. Лишь по экрану побежали полосы, а из дина-

миков раздалось шипение. Потом телик заморгал, и сам собой включился какой-то странный канал, от всех прочих отличавшийся цветовой гаммой. Все в той программе было чрезмерно красочно, явно кто-то переборщил с контрастом. Шла передача о диких индонезийских племенах. Голые люди с копьями и топорами прыгали вокруг костра, танцевали, веселились, а потом вдруг с радостным улюлюканьем перерезали себе горло белыми костяными топорами и падали на землю, заливая ее ярко-алой кровью. Один жизнерадостный туземец, прежде чем вспороть себе сонную артерию, посмотрел в камеру и сказал: «А ты чего? Это не страшно. Как только я упаду на землю, все начнется заново! Попробуй! Тебе тоже понравится!»

Мне стало не по себе. Я посмотрел по сторонам, но длинноволосого человека в комнате уже не было. Я вдруг понял, что тот последний дикарь – это и был он. На экране телика, у костра, валялись мертвые туземцы. Очень громко пели сверчки. А в комнате на кровати лежал белый костяной топор. Я не собирался повторять эту глупость вслед за людьми из телепрограммы. Но ощущение, что я остался совсем один, очень сильно давило на мозг.

Я выскочил из комнаты и побежал вдоль бесконечного ряда дверей. Я бежал в полной тишине. Я бежал очень быстро. Однако никак не мог добраться до лестницы или лифта. Мне очень хотелось найти выход. Но тщетно. Я сел на корточки и заплакал.

– Херст... Вильям Херст... Мне кажется, я попал в ад. Я заблудился... Я в аду... – Мои всхлипывания звучали так, будто их передавали по радио...

Я проснулся.

VI. ГРАНИЦА

Утром – кофе. Чтобы убить остатки сна. Или наоборот – вливаю кофеин, чтобы чуть торкнуло, чтобы из кайфа в кайф. Чтобы не понять переход. Сижу, пью кофе. И втыкаю в окно. Тебя уже нет. Даже записки нет. Если бы я снимал кино про этот день, то обязательно бы запустил в кадр муху. Маленькую, черную, назойливую муху, которая мельтешила бы в кадре и жужжала в абсолютной тишине. Причем так громко, что всем очень захотелось бы ее сразу убить. Возможно, Вильям Херст так же сидел когда-то у себя на кухне. Ждал ЕЕ. А она не шла. И муха кружила по кухне. А он был настолько подавлен, что даже не ощущал в себе силы встать и убить чертово насекомое.

Странно, наверное, – придумать человека. Оживить его в своих мыслях и, свыкнувшись с его псевдосуществованием, вдруг осознать, что он есть на самом деле. Очень странно. Еще более странно возвращаться мыслями к нему, спрашивать себя, что ОН делал в подобной ситуации. Да кто – ОН вообще? И на фига ОН мне сдался?

Сны Сирен... Сад Сирен... красиво. Красиво, черт побери. Мне сразу рисуются сады странных деревьев с золотыми листьями и цветами иланг-иланга... ярко-фиолетовое небо и бирюзовая вода в ручье. Такого никогда не увидишь. Нигде. Только там, в Саду Сирен.

Я пил кофе, смотрел на серую улицу, но видел совсем другое... видел красочный мир Вильяма Херста. Наш общий придуманный мир. Я замечтался и не сразу заметил, что давно уже звонит телефон. Пока я шел за трубкой в соседнюю комнату, звонить перестали.

«Странно, – подумал я. – Если бы звонил кто-то из своих, то перезвонил бы на мобильный. Если это кто-то чужой, то откуда он знает домашний номер? Значит, это либо очередная рекламная чушь, либо ошиблись номером».

Если честно, я вообще практически никогда не беру трубку домашнего телефона. Потому как совершенно не понимаю, зачем он вообще нужен. Ведь мы живем в эпоху, когда у каждого есть мобильник, свой личный номер. Ну и зачем, звоня мне, просить кого-то позвать меня, если можно сразу позвонить мне напрямую? Домашние телефоны – это бессмысленный аксессуар, предмет интерьера. Он может не работать. Может служить украшением журнального столика. По большому счету, вообще странно, что телефон звонит. Ведь не звонит статуэтка «Тиффани», не звонит сувенирная маска из Таиланда. Они просто лежат на своих местах. Тихо и бессмысленно.

Я вернулся на кухню и налил себе еще кофе. Почувствовав, что меня слегка мутит от переизбытка кофеина, отставил чашку и побрел в комнату. По-хорошему, мне надо собираться на работу. И так уже опаздываю. Но спешить совершенно не хотелось. Я медленно натянул свитер, джинсы, надел плащ, взял портфель с ноутбуком и вышел на улицу.

Был февраль. Самый его конец. И погода стояла до странности теплая. Такое ощущение, будто начинается весна. Но было очевидно, что все это не на самом деле, что это так, понарошку. Еще грянут настоящие холода, со снегом и метелью. С десятиградусными морозами, упаси господи... Я шел по улице, стараясь не наступать в грязь и лужи. Перепрыгивал через куски талого прессованного снега и вдруг увидел светлую черту на черном асфальте. Фантастическое зрелище! Луч белого света, пробившийся между домов, начертил четкую длинную линию, прямо передо мной, как бы разделив мир на две части. Полоса света была сантиметров пятнадцать шириной, очень четкой. Как световой меч Джедая. Я остановился. Сложно сказать, что я почувствовал. Просто стало как-то не по себе. Я подумал: ну вот, мне надо сделать выбор, а выбор – это всегда потеря. Мне не хотелось ничего терять... И сделалось чуть-чуть грустно.

Я огляделся по сторонам. Мимо меня по своим делам спешили люди. Они совершенно не замечали этой странной полосы света, а потому бесстрашно пересекали ее. Будто они

явились из другого мира. И не люди вовсе, а призраки. Ведь странно, что они столь смело идут вперед. Меня пару раз толкнули плечами и что-то буркнули, то ли извинения, то ли ругательства, мне было не разобрать. Наверное, я выглядел глупо: какой-то парень остановился посреди улицы и уставился в асфальт. Но на меня никто особо не обращал внимания, так же как и на эту странную световую черту, а потому неловкости я не чувствовал.

Разве что пес меня смутил. Бездомная псина брела по улице в том же направлении, что и я. Дошла до черты и села вразвалку. Пес посмотрел на меня и завил хвостом. Большая рыжая добродушная дворняга. Грязная шерсть, грустные умные глаза.

– Что, ты тоже видишь это границу? – спросил я пса.

Пес, разумеется, ничего не ответил, лишь посмотрел недоверчиво на полоску света. Ясно было, что он все понимал и все видел.

– Ну, тогда пошли. Что мы стоим? А? – сказал я псу и шагнул вперед, через полосу.

Воображение подсказывало, что сейчас произойдет нечто. Я почувствую что-то вроде легкого удара током, все вокруг изменится, и я окажусь в параллельном мире. Возможно, мне даже хотелось чего-то эдакого... но ничего не случилось. Да и не могло случиться. Все это мое воображение, не более... Я сделал несколько шагов и остановился. Обернулся. Мне было интересно, пошел ли за мной пес. Но тот все так же сидел у черты, высунув длиннющий розовый язык, и вилял хвостом.

– Песик, песик... – поманил я дворнягу, причмокивая и показывая, будто у меня что-то есть в руке. Пес поднялся. И хотел было последовать за мной, но за пару шагов до черты остановился, повернулся и побежал в противоположную сторону.

Я пожал плечами и зашагал на работу.

Здорово жить в центре и работать неподалеку. За свое место я держался прежде всего из-за близости к дому. Ведь это замечательно – практически не знать, что такое пробки и давка в метро. На работу я всегда ходил пешком. И путь мой занимал минут двадцать пять, не больше. Мало кому в Москве выпадает такое счастье. И за него надо держаться сильнее, чем за большую белую зарплату, поверьте мне. Не будь этого очевидного преимущества, я бы давно попробовал найти что-то поинтереснее. Не могу сказать, что быть копирайтером – скучное дело. Напротив. Я всю жизнь мечтал о такой работе. Вот только клиенты у нашего агентства... ну... как бы сказать... не очень. Точнее, с позиции бюджетов, они о-го-го, но с позиции креатива, искусства... просто никакие.

Я буркнул «привет» девочкам с ресепшена и поднялся на второй этаж, где размещался креативный отдел. Поднимаясь по лестнице, машинально пересчитал ступени деревянной лакированной лестницы. Двенадцать. Я зашел в кабинет. Поздоровался с коллегами. Бросил плащ на вешалку и включил компьютер. Первым делом нажал «отправить-получить» в Оий-сюк'е. Пошел процесс скачивания корреспонденции. Вторым делом я загрузил свою ЖЖ-страницу и профиль в «Контакте».

«Граница... – подумал я. – Я пересек какую-то границу...»

Наверное, видок у меня был загадочный. Я огляделся по сторонам. Со мной в комнате сидели еще трое ребят, все ковырялись в своих компьютерах, не обращая на меня никакого внимания. Стало понятно, что ничего в мире не изменилось. Я просмотрел пришедшую почту – куча спама и три деловых письма. Все как обычно.

Одно из писем было от моего начальника. Он сообщал, что «ОЧЕНЬ!!! Ждет меня в 14:00 на планерке по вопросам рекламной кампании газеты „Жизнь“». Вообще-то, газета «Жизнь» – не совсем наш профиль. Но мы разрабатывали «вижуалы» для их новой региональной рекламной кампании. Я в разработках особого участия не принимал, хотя и входил в рабочую группу. Честно говоря, пару таких планерок я уже прогулял. И понятно, почему слово «очень» было написано большими буквами.

На совещание я опоздал. До того несколько раз смотрел на часы, чтобы прийти вовремя. Честно-честно. Но в последний момент закопался. Перед уходом проверил еще раз почту, обнаружил новое письмо от одной подружки, не удержался и стал отвечать. А ответить в двух словах не получилось. В итоге, когда я вошел в переговорку номер два, там все давно были в сборе. И горячо обсуждали варианты щитов, которые должны анонсировать обновленный выпуск. Газета переживала ребрендинг, стала цветной, еще какие-то опции добавились – все это, конечно, ради увеличения продаж. И первая же после ге-запуска обложка должна была появиться на двухстах с лишним поверхностях «три на шесть». Мои коллеги обговаривали цветовую гамму, шрифт, положение объектов. А я мельком глянул на разложенные по столу варианты и прислушался к урчанию у себя в животе. Ничего супермегакреативного в лежащих на столах листках не было. Обложка с несколькими яркими заголовками и изображения людей, падающих в обморок от восторга, испытывающих псевдооргазм, приплясывающих от счастья. Конечно, появление любимой газеты в цвете, да еще толщиной в мини-журнал – это повод для радости, спорить глупо. Но подобные передергивания и переигрывания, подходящие, разумеется, для желтой газеты, на меня навеяли скуку. И заголовки, которые сочиняют безумные копирайтеры, и вычурные шрифты не вызывали у меня в душе ни малейшего позитива. Скажем прямо – меня бесила и эта газета, и это совещание. Даже показалось, что меня по-настоящему бесит моя работа. Ну в самом деле: для того ли я трудился все эти годы, чтобы оказаться в комнате с пятью психами, обсуждающими эффективность выстраивания на передний план заголовка «Шестнадцатилетняя школьница продала брата на органы!» или «Лолита борется за права алкоголиков и наркоманов!»... Чушь! Или «Человек, проспавший в коме более тридцати лет, в марте будет отключен от приборов!». Или... постойте... что-то кольнуло меня прямо в левое легкое. Я взял один из макетов, вчитался в заголовок. Мой начальник одобрительно хмыкнул, решив, что я наконец-то присоединюсь к дискуссии. Но меня интересовал только заголовок про коматозника, которому грозила эвтаназия. К сожалению, в рекламном модуле больше ничего написано не было.

– А когда номер выходит в продажу? – поинтересовался я.

– Ну, приехали... Через неделю. Нам СЕГОДНЯ нужно все утвердить и сдать в печать! – ответил мне ухмыляющийся начальник и дотронулся до кончика носа (жест, выдающий людей с хроническим насморком).

– Я к тому это говорю... нам необходимо изучить этот номер... чтобы понять его энергетику. Понимаете? Вот мы здесь сидим и спорим о шрифтах и цветах, а кто из вас прочитал хотя бы материал про эту девочку с братом или про коматозника, например? – выкручивался я, как всегда, гениально. Зачем мне нужен это несчастный, я пока и сам не понимал, но интуиция подсказывала, что желтая статейка крайне важна для меня.

– Дорогой, мы, КОНЕЧНО же, ВСЕ ПРОЧИТАЛИ этот номер! И ты должен был его прочитать, чтобы быть в теме. Вот мы и спорим, поскольку мнения сильно разделились... А ты? Что ты скажешь по поводу картинки? – Шеф протянул мне листок. Там крупными красными буквами буквально мигал заголовок про человека в коме. Напечатано было с увеличением, я даже сумел прочесть подзаголовки.

– Скажу, что мне надо срочно изучить все материалы, простите меня... – буркнул я и выскочил из переговорки.

Дверь за мной оглушительно хлопнула, я пронесся по лестнице, громко топая по деревянным ступеням, чуть не сбил девушку Иру из эккаунт-отдела – она взвизгнула, пытаясь увернуться от столкновения с моими семьдесятю килограммами. Я понимал, что веду себя крайне глупо, но иначе не мог – мне нужно было срочно сесть на собственный стул в своем дурацком офисном загончике и сделать десять ровных вдохов и выдохов. Потом

достать верстку газетенки и еще раз прочитать подзаголовок, а после, собравшись с мыслями, осилить и саму статью.

Я буквально упал на стул. Наполнил легкие воздухом... И прочитал вслух: «Одинокий художник, впавший в кому тридцать шесть лет назад, 15 марта будет отключен от приборов»... Вильям Херст. Здравствуй, Вильям Херст!

VII. СУДЬБА

Бедняга Вильям Херст действительно однажды заснул и не проснулся. Он не был болен, не получал тяжелых травм. Просто заглянувшая к нему подруга (она все-таки пришла к нему!) обнаружила его неподвижным. Решила даже, что он умер от горя, и в панике вызвала доктора. Но пришедший врач не констатировал смерть, а лишь сказал, что больной находится в очень глубоком сне. Подруга решила подождать, но, когда по прошествии трех дней больной так и не проснулся, перевезла его в больницу, где он и пробыл следующие тридцать шесть лет. Его смотрели самые именитые профессора, его случай попал в медицинскую энциклопедию, его, как достопримечательность, показывали студентам-аспирантам, а несчастная девушка продолжала оплачивать счета за нахождение больного под присмотром врачей. Последние десять лет жизнедеятельность организма поддерживали искусственно. Возлюбленная Херста успела повзрослеть, выйти замуж, родить детей и тихо состариться. Но несмотря ни на что она продолжала присматривать за одиноким художником и исправно оплачивала его медицинские счета. Пока, увы, не умерла от инсульта в декабре прошлого года. С тех пор власти и общественность Нью-Йорка вели оживленный спор, как поступить с безнадежным пациентом. Одни считали, что поддерживать его жизнедеятельность – это издевательство. Надо позволить ему умереть, тем более что единственный знавший и любивший его человек уже мертв. Другие считали, если отключить художника от приборов, будут преданы надежды и мечты бедной женщины, которая тридцать шесть лет ждала его пробуждения. В общем, спор был большей частью риторический. Но в такие споры всегда вмешивается экономика и расставляет точки над «i». Поддержание жизни коматозника обходилось в немалые деньги, а желающих взять на себя бремя оплаты не находилось. Споры о морали приутихли, и без всякого шума руководство больницы приняло решение отключить от аппаратуры больного, пролежавшего в коме рекордный срок, но с одной поправкой: если до 15 марта не найдется спонсор, готовый и дальше оплачивать расходы врачей.

После прочтения статьи у меня появилось двойственное чувство. Будто выпачкался, доставая из помойки красивый цветок. Весь воняю дерьмом, а в руках роза. Такое вот ощущение возникло. И стою я с этой розой и думаю: ну что за фигня, как могли розу в помойку, да и вообще, что за жизнь такая?! Как вообще так можно?! Но я не вчера родился и знал, что можно и не так. Жизнь так устроена, что о самых странных и невысказанных, даже, возможно, волшебных вещах мы узнаем в абсолютно обыденной обстановке. Более того, я прекрасно понимал, что всю это волшебность и необычность не поймет никто, кроме тебя. А потому я быстренько распечатал на принтере статью, подхватил ноутбук, набросил плащ и бросился на улицу. По дороге набрал тебя и сказал: «Вильям Херст есть. Он еще жив. Я нашел его. И, кажется, ему нужна наша помощь!»

Мы договорились встретиться в «Кофебине» на Чистых Прудах. Я поспешил туда пешком, а ты, отменив встречу с клиентом, поехала на машине. Идти мне было минут тридцать. Тебе ехать примерно столько же, если повезет с пробками. Шел я той же дорогой, что и утром на работу. И вспомнил, что неподалеку то место, где я сегодня увидел полосу света. Сейчас никакой «границы», разумеется, уже не было. «Закрылась», – подумал я и ускорил шаг. Совершенно ясно было, что меня водоворотом затягивает в некую таинственную историю. И мне это нравилось. Я дрожал от возбуждения, от ощущения нереальности происходящего. Смотрел по сторонам и везде видел подсказки, символы, сигналы. Это было чертовски интересно. Я совершенно не понимал, как мы это сделаем, но был уверен, что необходимо помочь этому человеку, заблудившемуся в своем Саду Сирен. Мы должны спасти его. Поэтому он мне и приснился. Он дал мне знак единственно возможным ему способом – рассказал историю своей жизни во сне.

Стремительно шагая по Покровке, я обратил внимание, что по пути мне встретились несколько автомашин с номером 699. Именно такой номер комнаты был в моем вчерашнем сне. Все это, конечно же, могло оказаться случайностью, но исключать мистическую составляющую было в моей ситуации не совсем правильно. Придя в кафе, я сразу же включил ноутбук и, выйдя в Интернет, набрал в поисковике «699». Разумеется, тут же открылся бесконечный ряд ссылок на многочисленные электронные приклады с таким серийным номером. Копаться в них бессмысленно. Yandex выдал 8 688 978 страниц. Справа я увидел ссылку «699 в картинках» и не думая кликнул мышкой.

Каково же было мое удивление, когда, листая многочисленные картинки: люди, машины, электроплиты, какие-то микросхемы, пейзажи – все что угодно, – я наткнулся на изображение приснившегося мне на днях туземца. Кликнул на рисунок и, увеличив, понял, что не ошибся. Это был тот самый индонезиец, что отчаянно рубил телевизор костяным топором. Картинка называлась 699.jpg, и была она с сайта, посвященного проблемам массового бессознательного – Фрейд. ру. Уже интересно! Я открыл эту Интернет-страничку и, пока ты пробиралась по пробкам, углубился в чтение.

Сикарту, древний Бог судьбы, почитаемый некоторыми племенами Юго-Восточной Азии, совершенно неожиданно нашел свое место в современной психиатрии. Люди, страдающие нарушениями сна, часто рассказывали, что к ним в снах являлся туземец и пытался донести какие-то странные истины. Образ человека, аборигена, живущего в мире с природой, вообще очень популярен в современной психиатрии. Люди, обитающие в сложных, давящих условиях тотального Урбана, нередко видят в своих снах индейцев, аборигенов Австралии или Океании как некий символ утраченной свободы. Но образ Сикарту нельзя классифицировать как один из подобных символов. Дело в том, и это необъяснимо, что по описаниям пациентов, живущих в разных концах земли, были созданы портреты этого странного индонезийца. И сколь же велико было изумление мировой медицинской общестственности, видевшей в этом образе не более чем зов природы к истокам, когда лицо человека, приснившегося людям в Австралии, полностью совпало с картинкой, нарисованной в Канаде или Ирландии! Некий Джон Миллс потратил массу времени, изучая эту проблему, и сумел выяснить, что являющийся в снах человек, судя по всему, есть не кто иной, как Бог судьбы Сикарту, весьма почитаемый некоторыми индонезийскими племенами. В особенности теми, что до сих пор сумели сохранить первобытный образ жизни. Как Бог аборигенов мог попасть в мозг современному человеку, никогда не бывавшему в Индонезии, объяснить никто не сумел. Миллс в своих попытках разобраться в данной проблеме обращался к массовому бессознательному, часто упоминая термин «коллективный разум». Он предполагал, что все люди существуют в некой электромагнитной среде, на параметры которой удастся настроиться только в том случае, если полностью отключить разум, то есть впасть в бессознательное состояние. Точнее говоря, все спящие люди находятся в некоем едином пространстве, в рамках которого становится возможным неконтролируемый обмен информацией. Эта теория получила название теории Миллса. Однако его работы научной общественностью все-ррез не воспринимались. Большинство крупных ученых считали Миллса популистом и шарлатаном. Упрочению такой репутации способствовало то, что Миллс выпустил две весьма сомнительные книжки о природе сна, которые, тем не менее, стали бестселлерами и помогли ему сколотить немалое состояние. По мнению некоторых коллег, Миллс играл на чувствах людей, используя их стремление объяснить с точки зрения мистики сложные и пока необъяснимые наукой явления. Миллс просто давал людям ощущение сказки. И люди с радостью верили ему. Читали Миллса в метро и в поездах, брали с собой на пляж. Бестселлеры Миллса выпускали в тонких, дешевых обложках, и при желании их можно было найти практически на любом книжном развале...

Мне было абсолютно плевать на мнение Большого Научного Совета. Зато очень понравилась идея о едином поле, в котором при определенных обстоятельствах оказываются все спящие. Фактически Миллс писал о Саде Сирен Вильяма Херста! Все вставало на свои места. Выходит, спящий Херст запросто мог подать сигнал бедствия, используя это самое поле! И возможно, что из всех спящих людей наиболее точно настроенным на эту самую частоту в тот момент оказался именно я... Разве что непонятно было явление Сикарту – Бога судьбы. Совершенно очевидно, что он появился неспроста. И в этом должен быть некий смысл.

VIII. ПРОБКИ

Информации про Сикарту я отыскал совсем немного. Эдакий первобытный индонец, являющийся разным людям и предостерегающий их от всевозможных опасностей. Ничего трагического или необычного с его образом связано не было. Послания, которые пытался передать этот странный персонаж, были абсолютно несвязные и трактовались как угодно. Можно даже сказать, что этот Бог намеренно путал спящих, посылая подчас совершенно противоречивые мессаджи.

Согласно мифологии племен Индонезийского архипелага, Сикарту, сын Бога Раназа, упал на землю с облака во время сильной грозы, когда Раназа спорил со своей супругой, Богиней Юлюитой. Оказавшись на земле, он решил установить на ней свой порядок, то есть установить закон, согласно которому все события предопределены и записаны на коре огромного дерева, ветвями почти достающего неба. Это Древо Судьбы связывало землю и небеса, а боги могли читать людские судьбы и с неба контролировать исполнение предначертанного. Предначертывал же судьбу людям сам Сикарту. Но людей становилось все больше, и Сикарту уже не справлялся в одиночку. В судьбах людей начались сбои – люди сами смогли определять исход некоторых событий. И тогда Сикарту позвал с неба своего младшего брата Тонке, и они вдвоем стали писать на дереве людские судьбы. Так опять вернулся мировой порядок. И все равно подчас, когда Сикарту и Тонке устают или сбиваются, человек получает возможность изменить предначертанное.

Бог судьбы, как и большинство древних языческих богов, не был ни хорошим, ни плохим. Он был просто Богом, который следил, чтобы жизнь шла своим чередом. Хорошее сменяло плохое, жизнь – смерть, любовь – разлуку, и так далее. Все, что ни должно было случиться с человеком, писал на Дереве Судьбы Сикарту. Ему было виднее, какую судьбу дать новорожденному. Он заглядывал тому в глаза, а потом обмакивал краешек костяной иглы в сок дерева Бу и писал *судьбу*. Ему достаточно было одного взгляда, дабы понять, что надо написать на дереве. И так происходило многие тысячи лет.

В это верили древние индонезийцы. В это верят и многие из ныне живущих на островах Полинезии. Но при чем тут я и при чем тут Вильям Херст? Кстати: вполне может статься, что между двумя этими посланиями из коллективного разума – от Херста и от Сикарту – нет ничего общего. Что каждое из них само по себе.

Я прочитал практически все по этим темам, что мне удалось найти в Интернете, и у меня разболелась голова. Посмотрел на часы. Я сидел в кафе больше полутора часов. Тебя все еще не было. Тогда я достал телефон и с удивлением обнаружил шестнадцать пропущенных звонков. Видимо, я так погрузился в чтение, что не обращал внимания на разрывающуюся трельями трубку. Четырнадцать из них были твоими, а два – «номер не определен». Я сразу же перенабрал тебя:

– Извини... я не слышал звонка. Увлёкся. Ты даже не представляешь, что я тут откопал. Что-то немислимое. Куда ты пропала? Я жду почти два часа!

– А я тебе звоню-звоню, хочу сказать, что тут страшная пробка. Садовое стоит наглухо. За полтора часа я продвинулась только от Парка культуры до Таганки. Сейчас истерить начну... По-моему, нет смысла ждать. Если мне еще разворачиваться и двигать на бульвар, то я еще час потрачу точно. Все как с ума посходили в этом городе! Давай я лучше поеду домой, и ты подтягивайся... А расскажи хоть вкратце, что случилось? А то я еду в этом аду, и у меня чувство, что ты про меня забыл. Трубку не берешь, и вообще... Что ты такого откопал? Рассказывай.

– Не могу утверждать, что я понял все. Но хотя бы стала вырисовываться картина происходящего. Видишь ли, я знаю, зачем и к чему сон про Вильяма Херста, и я, кажется, знаю,

что мы должны сделать. Но об этом лучше дома. Не по телефону. Есть масса нюансов, которые нельзя упустить. Иначе не поймешь.

– Ну ок-ок. Давай домой. Купи по пути хлеб и сок. Целую.

– Люблю.

Я нажал «отбой». Огляделся. Вокруг сидели люди, оживленно беседовали друг с другом и не понимали, в каком удивительном мире мы живем. Не понимали, что все, что мы видим вокруг, гораздо сложнее и запутаннее... и, вместе с тем, гораздо более объяснимо, чем нам кажется. Я чувствовал, как внутри меня парят зеленые блестящие майские жуки. Они стремятся на свободу. Они вот-вот разорвут никчемную телесную оболочку, и я стану совершенно свободным, я сольюсь с этим глобальным разумом... ну или не знаю, что еще случится со мной. Я стану чем-то большим. Я-то понимаю это, а они, все эти пьющие кофе люди, – НЕТ. И меня еще больше распирает чувство гордости вперемешку с ощущением тотального одиночества. Я быстро допил холодный сладкий кофе. Закрыв лэптоп и поспешил домой.

Темнело. Я шел по Покровке к Садовому кольцу. Похолодало. Я поднял воротник плаща и втянул в рукав пальцы, сжимающие ручку портфеля. Таков февраль в Москве. Никогда не знаешь, что ждет тебя вечером. Если утром кажется, что наступает весна, то к ночи запросто может грянуть мороз. Мимо меня медленно катились машины, иногда даже казалось, что они стоят на месте. Садовое, как ты и сказала, замерло в пробке. Без труда обгоняя автомобильный поток пешим ходом, я искоса заглядывал в окна и пытался представить себе – кто все эти люди, куда они едут, что их ждет там и что им приснится, когда они наконец успокоятся и лягут в постель. Увидит ли кто-нибудь из них Сикарту, или Вильяма Херста, или, может, кого-нибудь не менее важного, а если увидит, то как среагирует? Просто расскажет утром за кофе или вообще забудет, едва проснется? Или станет, как мы, искать ответы на вопросы, на которые, казалось бы, нет ответов? Я шел по улице, чувствовал пробирающий тело холод и смотрел в лобовые стекла обгоняемых мною машин. Наверное, многим мои взгляды казались наглыми. Например, одна парочка так зыркнула на меня, что мне стало стыдно. Парень и девушка, видимо вконец уставшие от многочасового стояния, мило шептались обнявшись. Девушка ворошила парню волосы и что-то говорила ему, плотно прижав губы к его уху. Когда я, обогнав их машину, повернулся и посмотрел, они, разомкнув объятия, смерили меня тяжелым взглядом, и по губам девушки я явственно прочитал сказанное, возможно даже очень громко, слово «урод». Я смутился. Но подглядывания не прекратил. Мне надо было докопаться до сути вещей. Но я не знал как. Когда не знаешь, что делать, любое действие может оказаться полезным. Вот я и шел домой, изучая лица. Считывал какую-то информацию с них, что-то закладывал глубоко в память на бессознательном уровне... И вроде бы я обгонял все эти стоящие машины, и вроде бы я двигался в нужном направлении, но вдруг мне подумалось, что на самом деле мы все стоим в одной огромной пробке. Психологической. Просто кто-то чуть ближе к Садовому, а кто-то чуть дальше. Но все, по большому счету, не двигаемся. Потому что все равно ТАМ темно. И даже если доберешься до этого «Садового» в своей голове, то наверняка упруешься в новые тупики, новые пробки. И на самом деле те ответы, которые я нашел сегодня, вовсе не ответы, а лишь небольшие рывочки вперед. Скачки мысли, упирающейся во все новые и новые вопросы. Мне стало не только холодно, но и грустно. И я зашагал быстрее. На меня нахлынула вязкая, тяжелая депрессия.

Очень захотелось спать.

IX. ЦЕНА ВОПРОСА

На следующее утро мы впервые за долгое время завтракали вместе.

– Как же нам помочь ему? Все это, конечно, супер. История, которая у тебя получается, тянет на «Оскар», это точно, – ты усмехнулась, – но как помочь человеку, тридцать шесть лет находящемуся в коме? Если его не сумели вытащить даже самые крутые доктора?

– Не знаю пока. Если б знал, то наверняка бы уже начал что-то предпринимать. Но я совершенно не понимаю, как нам поступить. Ясно, что этот парень дал нам сигнал SOS, что его отключат от приборов и он умрет. Но что нужно сделать, совсем непонятно. Даже если мы найдем спонсора для поддержания его жизнедеятельности, это ничего не изменит. Он останется в коме, и его все равно отключат рано или поздно.

– Мы все умрем. Рано или поздно. Чем он отличается от нас? Почему нужно спасать именно его? Не умирающего от СПИДа ни в чем не повинного пятилетнего мальчика в какой-нибудь Замбии, а сумасшедшего художника, десятки лет пролежавшего в коме? Ты не думал, что все это немного странно?

– Это ОЧЕНЬ странно. Потому я и хочу его спасти. Помнишь, ты сказала, что в этой истории есть какой-то важный смысл. Важный для НАС. Если мы спасем или хотя бы попытаемся спасти этого человека, что-то в нашей жизни изменится.

– Да, помню. Меня и сейчас не покидает такое чувство. Но если размышлять с позиции логики, все, что мы тут обсуждаем, – бред полный.

Вчера я так ничего и не рассказал тебе. Пришел домой усталый и разбитый, прилег вздремнуть, да так и проспал до самого утра. Я думал, мне приснится нечто особенное, нечто «в тему», но, увы, я видел самые обычные сны. Ничего мистического, никаких символов, никаких посланий. Просто сны уставшего, задерганного человека. Утром я рассказал тебе о своих вчерашних открытиях и о своих опасениях, что больше никогда не смогу узнать что-то новое про Херста, никогда не сумею настроиться на ту волну. А следовательно, не смогу ему помочь. Хотя чувствую, что помочь мы должны. Возможно, мне просто показалось, но оптимизм твой несколько поубавился. История набирала обороты. Она становилась не просто основой для возможного сценария. Она оживала и требовала от нас решительных действий, повлекущих, вполне может стать, и какие-то потери. Даже если забыть о том, что сама по себе идея спасти приснившегося во сне человека абсурдна, то спасти человека, пролежавшего в коме тридцать шесть лет, как минимум неподъемна для обычных офисных крыс вроде нас. Но мы обладали качествами, которых, возможно, не доставало тем профессорам. Мы могли заставить себя поверить во что угодно. Поэтому наша цель вовсе не казалась нам нереальной. Просто мы пока не знали, как к ней подступиться.

– Давай попробуем иногда включать логику. Ну хотя бы там, где это полезно. – За что я тебя люблю, так это за твою страсть все систематизировать, даже необъяснимое. – Херст однажды заснул и не проснулся. Возможно, он заблудился в этом своем Саду Сирен. Другими словами, его разум застрял в том самом едином поле и не может найти дорогу обратно. Ты каким-то образом оказался в том же пространстве и считал его историю... Единственное, что мне приходит на ум, – так это придумать способ попасть в это поле и вывести оттуда Херста.

– Иначе говоря, ты считаешь, что логика диктует нам отправиться за Херстом в Сад Сирен? – Я обладал достаточной самоиронией, чтобы засмеяться. Ты прекрасно понимала, над чем смеюсь я, и тоже улыбнулась. Но такова была логика момента. – Значит, мы собираемся в поход!

Мне почему-то показалось, что мы действительно готовимся к увлекательному путешествию. Даже захотелось спросить, какие вещи будем брать и когда пакуем чемоданы. Поход в Сад Сирен. Путешествие внутрь себя и обратно.

– Осталось только придумать способ. – В отличие от меня, ты теперь была абсолютно серьезна. У нас с тобой разный подход к трудностям. Я, как и полагается любому раздолбаю, в случаях, когда не знаю решения, предпочитаю отшучиваться, ты же хмуришь брови и с серьезным видом ищешь ответы на вопрос.

– Как попасть в Сад Сирен? Хм... Боюсь, не просто отгадать эту загадку. Тем более что нам вряд ли удастся посвятить поискам ответа ближайшие дни. Меня уволят, если я окончательно забуду на работу...

Мы допили чай. Оделись. Я проводил тебя до машины, поцеловал на прощание и пешком побрел в офис. Было двадцать седьмое февраля високосного года. До конца жизни Вильяма Херста оставалось немногим больше двух недель. И нам нужно было торопиться.

На работе, видимо в отместку за вчерашний побег с совещания, на меня навалили кучу крупных проектов с нереальными сроками сдачи. Скрипя зубами я погрузился в совершенно неинтересные мне сейчас темы. И задачу о путешествии в Сад Сирен пришлось на время отложить.

Три следующих дня я приходил домой поздно и практически сразу ложился спать. С утра мы успевали обменяться парой слов, не более. Однако я понял, что ты ничего не забыла и по ночам ищешь подходящие материалы в Интернете. Пришла пятница, и мне показалось, будто я столь жестко себя измотал, что мне требуется перезагрузка. Признаюсь: лет пять-шесть назад я был заядлым тусовщиком. Все рассказы про мои выходные могли начинаться с фразы: «В ночь с четверга на понедельник...» Но годы берут свое. Ты чувствуешь, что постарел, когда впервые в жизни отказываешься от алкоголя или кокаина, мотивируя отказ нежеланием болеть назавтра. А мысль затусить на *arter-party* заставляет организм содрогнуться от ужаса. Возможности человека ведь не безграничны. Это странно, но самое яркое доказательство, позволяющее понять, как с возрастом замедляется процесс регенерации, дает городскому прогрессивному жителю именно ночная клубная жизнь. К своим тридцати годам я четко понимал, что ночь в клубе, особенно с употреблением большого количества алкоголя в комплекте с кое-какими запрещенными веществами, отнимает у меня пять дней жизни. Как минимум, отнимает у жизни весь последующий день, когда ты лежишь пластом на кровати, издавая жалобные поскуливания. Однако осознание сего факта останавливало далеко не всегда. Иногда душа хотела «раскрыться, а потом закрыться». Так, чтобы искры из глаз и чтоб праздник до небес!

И вот в пятницу после работы я отправился вовсе не домой. Как-то само собой получилось, что я зарулил в бар, где после трех «лонгайлендов», распитых с моим старым другом Тимой, сам собой нарисовался кокаин и появился план зажигать по полной. Конечно, меня мучили угрызения совести, мне очень хотелось видеть тебя рядом. Но я прекрасно понимал, что пьяный звонок в двенадцать ночи с призывом тусоваться вызовет у тебя лишь раздражение. Пьяный трезвому не товарищ. А потому я предпочел подвиснуть с Тимом и с ним же пуститься во все тяжкие. Маршрут ночи для нас был вполне традиционен. «Дягилев» давно сгорел, потому первое место, где можно было весело накачаться под ни на что не претендующую танцевальную музыку, был SOHO ROOMS. Так уж устроен мир: пьяному мужчине всегда приятно смотреть на красивых женщин. Даже если тебя дома ждет красавица-жена. Ты же должен на чем-то задержать взгляд! А глазеть на чудесные создания все-таки лучше, чем на хамоватых расфуфыренных павлинов мужского пола. В SOHO хватало и первых, и вторых. Поэтому приходилось фокусироваться на какой-нибудь красивой заднице.

Месяца три назад мы с Тимом изобрели способ проносить в клуб кокаин и юзать его там без всякого белевняка. Мы растирали «кокос» в порошок, насыпали в пустые капсулки

лекарств от аллергии. И бросали таких капсулок по три-четыре в карман. В случае чего милиция не спешила вскрывать явно медицинские препараты, обнаруженные в карманах у двух прилично одетых молодых людей, страдающих аллергическим насморком. Да и применить их по «первичному» назначению было совсем не сложно. Достаточно зайти в туалет, раскрыть капсулку и отправить ее содержимое прямым в нос. Быстро и комфортно. А главное, совершенно безопасно. Вот почему настроение у нас в клубе было более чем приподнятое. Я танцевал как сумасшедший. «Лонгайленды» сменились вереницей виски с колой. В какой-то момент мне показалось, что меня стошнит, что виски стоит у меня где-то высоко в горле. Я пошел в туалет, умылся и подумал, что пора бы домой, но вернулся. И спустя некоторое время, вынюхав здоровую капсулу «кокоса», снова весело танцевал, флиртуя с красивой большеглазой брюнеткой.

Потом Тим, я, эта брюнетка, которую звали Даша, и еще какая-то блондинка оказались в одном такси, которое везло нас на «Крышу мира». Что было там, помню урывками, вспоминается лишь, что купил бутылку Моет и, встряхнув ее хорошенько, поливал всех шампанским с криком: «Формула один!» Попал какой-то барышне в глаз, та расплакалась, а я успокаивал ее, пытаюсь влить ей шампанского в рот, и приговаривал: ты чего, дурашка, это же формула один... Наконец, в совершенно сумеречном состоянии, добрался до дома. Открыл дверь своим ключом и тихонько проскользнул в спальню. Быстро разделся, улегся рядом с тобой.

– И где ты был? – Твой полусонный, немного раздраженный тон явно дал понять, что ты толком не спала и ждала меня.

– Ну... прости... Сорвался чуток... с Тимом... Затусили. Ты бы все равно не поехала с нами.

– Можно же было позвонить. А у тебя еще и телефон выключен.

– Батарейка села. Весь день трендел по работе... Вот и села... Давай спать. Завтра поговорим. Я тебя люблю.

– Я тоже... Ладно... Ты неисправим... – Ты демонстративно чуть отодвинулась, но я тут же подобрался ближе и приобнял тебя.

Когда я ехал домой, мне казалось, что я сразу же засну. Не тут-то было. Чертов кокаин, хоть и был разбавлен немалым количеством выпитого, заставлял мозг лихорадочно работать. Стимулируя ту самую деятельность, которую сейчас больше всего хотелось отключить. Кроме того, напала жесткая тахикардия. Я лежал и слушал, как бешено стучит в груди сердце, а мысли, словно обезумевшие шарики для пинг-понга, носились в моей голове. Любая, даже самая никчемная мыслишка, даже просто направление мысли мгновенно превращалось в безумную манию, которая, подобно развернувшейся пружине, устремлялась куда-то вперед, нанизывая на себя по ходу движения бесконечное количество образов. Если б я мог нарисовать метание моих мыслей в тот момент, то, скорее всего, я бы нарисовал схему броуновского движения. Это был абсолютный, неконтролируемый хаос. И я чувствовал, как погружаюсь в него. Как хаос заполняет все пространство у меня внутри. Я отчетливо видел, как мысли мои превратились в маленькие разноцветные шарики типа конфет «скитлз». Как они носятся во мне туда-сюда. Я чувствовал, что сделан из стекла. Действительно, я самый настоящий стеклянный сосуд, до отказа набитый блестящими разноцветными драже. Мне подумалось, что Сикарту и не предполагал, что я смогу столь круто изменить нарисованную им судьбу – превращусь в бутылку с конфетами. Мне сразу стало легко – от того, что я вообще смог что-то изменить. Хоть я и променял жизнь на этот странный бред, но все-таки это мой бред.

Однако Сикарту не согласился с этим. Он уже стоял передо мной в центре лилового светящегося коридора. И манил рукой. Одетый в вельветовый бежевый костюм, рубашку с запонками. Волосы на этот раз были аккуратно уложены. Вид вполне европейский. На

ногах – черные лаковые туфли. Он напоминал скорее успешного бизнесмена из Джакарты, чем древнее Божество судьбы. Это заставило меня улыбнуться. Сикарту не понравилась моя улыбка. Видимо, он решил, что я не воспринимаю всерьез его приглашение, сам сделал несколько шагов навстречу и оказался совсем рядом. Протянул мне руку, а я зачем-то протянул ему руку в ответ. И едва мы сомкнули ладони в рукопожатии, я почувствовал, как меня затягивает этот лиловый коридор. Показалось, будто он обволакивает меня, вокруг возникла похожая на кисель субстанция. Очень холодная, моя кожа покрылась мурашками. Я заметил, что сердце, только что бившееся сто тридцать шесть ударов в минуту, вдруг успокоилось и застучало ровно-ровно, не более восьмидесяти шести. Я замер, застыл, превратился в ледяную скульптуру – в ожидании того, что должно сейчас произойти. Я был одновременно и очень напряжен, и очень спокоен. Плыл по лиловому коридору, а вокруг мерцал слабо светящийся туман, и больше ничего вокруг не было.

А потом разом стало очень ярко.

Так ярко, что я зажмурился.

А когда открыл глаза, то увидел, что нахожусь в удивительном месте. Вроде как на лужайке, сплошь поросшей нежно-голубыми и белыми цветочками. Столь красочной и нежной, что было страшно наступать на такое чудо под ногами. Позади меня шипело лиловым паром густое облако, а впереди открывался нереальный, прямо-таки фантастической красоты вид: передо мной раскинулась огромная долина, поросшая густым лесом. Вдали виднелась черная гора, а я стоял вроде как на холме и смотрел чуть сверху.

Аккуратно, стараясь не мять цветы под ногами, я двинулся вперед, чтобы рассмотреть все получше. Шел и шел, а потом не выдержал и побежал. Все быстрее и быстрее. С безумной скоростью я несея вперед. Я понимал, что уже подбегаю к склону холма и вот-вот предо мной откроется вся панорама. Но вдруг я с размаху ударился лицом о невидимую преграду. Удар был такой силы, что я рухнул на траву. Почувствовал, как из носа течет кровь. Тут же попытался привстать на корточки, но очень уж сильно кружилась голова. Я подполз к невидимой преграде. Утерев по лицу кровь, протянул руку и уперся в идеальной чистоты стекло. Провел по нему рукой. Посмотрел по сторонам. Если приглядеться под определенным ракурсом, то можно заметить, что долину отделяла от меня высоченная стеклянная стена. Я пошарил по земле и обнаружил в густой траве здоровенный металлический болт, ввинченный глубоко в землю. Видимо, то была одна из опор стены. Мне стало больно и обидно. Я повернулся на спину и посмотрел в небо. Судя по всему, рассветало, и небо постепенно наполнялось чуть розоватым светом.

И тут я почувствовал, что кто-то тянет меня за руку. Огляделся, но никого не увидел. И тут же почувствовал сильный толчок в бок. Кто-то невидимый тормозил меня за плечи. Я пытался ухватить его за руку. Тщетно. Человек-невидимка был неуловим. Я собрался с силами и приготовился схватить невидимую руку на противоходе, когда она еще раз попробует толкнуть меня... и... проснулся.

Х. ХАКЕРЫ СНОВ

– Я видел Сад Сирен. Точно. Да говорю тебе, уверен на все сто! – Я сидел на кровати и прикладывал к кровоточащему носу холодный, мокрый носовой платок.

– Неплохо вы вчера потусовались. У тебя даже кровь носом пошла во сне.

– Ты не понимаешь... Я бежал по полю и ударился о невидимую стену, которая отделяет пограничную территорию от этого самого Сада... Голова теперь болит.

– А мне кажется, что вчера кто-то перебухал и перенюхал, и потому у этого человека болит голова, а ночью носом пошла кровь. И мне моя версия кажется куда более логичной и правдоподобной.

Спорить с тобой было бессмысленно. Все верно. К тому же, если подумать, твоя версия имела куда больше оснований, чем моя. Но приснившийся Сад казался таким настоящим, таким осязаемым, что мне было сложно с тобой окончательно согласиться. Да и голова болела вовсе не с похмелья. Хотя, конечно, и с похмелья тоже. Но я совершенно четко ощущал последствия удара. Даже подумалось, что теперь наверняка будет синяк вполлица. Даже захотелось, чтобы он появился, этот самый синяк, – тогда б ты мне поверила.

– Давай на секунду представим, что в моем сне есть хотя бы доля реальности и я на какое-то мгновение приблизился к Саду Сирен. Понимаешь, что это значит?

– Это означает, что кое-кто скоро совсем спятит. И не только потому, что думает об одном и том же целыми днями, но и подстегивает свои мании лошадиными дозами алкоголя и наркотиков! – Ты была обижена за мою вчерашнюю выходку. И ничего другого я и не ожидал услышать. Но и сказанного тобой оказалось мне вполне достаточно. Ты всегда умела вот так запросто выдавать поразительные вещи, причем иногда сама этого не замечая.

Я встал из-за стола и побрел в зал к своему ноутбуку. Набрал в поисковике «Влияние стимуляторов на фазы сна».

То, что я прочитал в Интернете о влиянии различных стимуляторов – в первую очередь кокаина и амфетаминов – на сон, его фазы и доли мозга, отвечающие за сновидения, заставило меня окончательно поверить, что я иду верным путем. Множество всевозможных статей – и на абсолютно шарлатанских, кустарных сайтах, и на сайтах исследовательских институтов – в один голос кричали, что стимуляторы приводят к сбоям в фазах сна, что они не только чрезмерно удлиняют фазу короткого сна, в которой человек как раз и видит сновидения, но и во много раз увеличивают количество этих фаз.

Все это, конечно, абсолютно вредно, поскольку мозг даже во сне не отдыхает, а продолжает лихорадочно обрабатывать огромное количество информации, бесконечные ряды образов, вкалывая на всю катушку, изнашиваясь, разрушая себя и всю нервную систему в целом. Но вопрос здоровья в данный момент меня беспокоил меньше всего. Лезть в сорокаградусный мороз на Эверест тоже не особо полезно, но кто-то же лезет? Потому что без жертв не бывает открытий. Спросите об этом собаку Павлова.

Стало ясно, что, используя стимуляторы, можно продлить и усилить сновидения. Но совершенно непонятно было, как управлять этим процессом. Ведь мы не выбираем сны. Это сны выбирают нас. А поэтому нет никаких гарантий, что, заснув, я окажусь у Сада Сирен, а не в катакомбах какой-нибудь игры – «стрелялки».

Я долго и кропотливо перебирал различные вебсайты, посвященные сновидениям. Без особого труда смог выяснить о существующей концепции осознанного сновидения – некой практике, позволяющей сновидящему совершать минимальные манипуляции в своих собственных снах. Следующим шагом покорения сонного царства – была методика управляемого сновидения, позволяющая не просто совершать минимальные осознанные действия в своем сне, но и управлять всем ходом самого сна. Изучить вопрос управляемых и осознан-

ных сновидений было совсем не сложно. На эту тему написаны тысячи книг, статей, научных и псевдонаучных трактатов. Вопрос бурно обсуждался на форумах и в чатах, существовали целые сообщества людей, которые активно пропагандировали идею контролируемых сновидений. Во сне они совершали фантастические путешествия. В своих снах они старательно выстраивали мир по образу и подобию любимых книг или фильмов. Встречались среди путешественников по снам и такие персонажи, которых больше интересовало приобретение новых навыков. Например, один парень около года играл во сне в большой теннис, ни разу не держав ракетку в реальности. А потом вышел на настоящий корт и сыграл весьма недурно. Все потому, что мышцы, даже в расслабленном, «сонном» состоянии все равно получают сигналы, а тело приобретает мышечную память. Я вычитал, что тренер чешской футбольной сборной якобы применял при тренировке своих игроков методику осознанных сновидений, заставляя их даже во сне играть в футбол.

Но была еще одна, самая радикальная группа приверженцев этой практики. Они называли себя хакерами снов – совершенно оторванные персонажи, овладевавшие техниками, чтобы искать ответы на вселенские вопросы и разгадывать тайны, которые человеку разгадывать вообще не следует. Многие из них заканчивали свои дни в психушке, окончательно запутавшись в своих снах или взломав вместо них свой собственный мозг. И, несмотря на мрачную окраску, меня, разумеется, заинтересовали именно хакеры сновидений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.